

ТРИ ТАКТИКИ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛИСТОВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОЙНАХ

Алексей Гусев

Вопрос об отношении к войнам всегда имел большое значение для социалистического движения в России: во-первых, потому что войны составляли важный аспект международных отношений, а социалисты считали себя частью международного рабочего движения; во-вторых, потому что само Российское государство часто вело различные войны, которые непосредственно влияли на внутривнутриполитическую ситуацию в стране.

Основные принципы отношения социалистов всего мира к межгосударственным войнам были определены на Международном рабочем социалистическом конгрессе в Париже в 1889 г. Этот конгресс, основавший Второй Интернационал, принял резолюцию о ликвидации постоянных армий и всеобщем вооружении народа, в которой милитаризм и войны определялись как порождение капиталистического строя, олигархических и монархических режимов. Трудящиеся призывались к борьбе против попыток правящих классов разжигать международные войны, за роспуск всех постоянных армий, являющихся орудиями агрессии, и замену их милиционной системой «вооруженного народа» по образцу швейцарской. Конгресс объявил, что «провозглашает мир первым и непременным условием рабочего освобождения»⁵.

⁵ Международные социалистические конгрессы. Очередные вопросы и постановления. Калуга, 1922. С. 44.

Однако всеобщее признание необходимости борьбы за международный мир и единодушное осуждение милитаризма еще не означало разрешения вопроса о том, как именно следует действовать социалистам в условиях войны. В резолюции «Милитаризм и международные конфликты», принятой на Штутгартском конгрессе в 1907 г., этот вопрос был освещен лишь в самых общих чертах: «В случае, если война все же разразится, они [рабочие — А. Г.] должны активно выступить за скорейшее окончание ее и стремиться всеми средствами к тому, чтобы использовать вызванный войной экономический и политический кризис для возбуждения народных масс и ускорить падение капиталистического классового господства»⁶.

В то же время международное социалистическое движение признавало невозможность применения ко всем международным войнам универсального политического и тактического шаблона. Эта проблема обсуждалась на Брюссельском конгрессе Второго Интернационала в 1891 г. и Цюрихском конгрессе в 1893 г. На обоих конгрессах было отвергнуто предложение представителя Социалистической партии Нидерландов Д. Ньювенгейса призвать в случае войны рабочих всех воюющих стран к всеобщей антивоенной забастовке. Возражая Ньювенгейсу, который вскоре после этого перешел к анархистам, В. Либкнехт и Г. В. Плеханов указывали на то, что такой шаблонный подход, во-первых, игнорирует специфику различных военных конфликтов, а, во-вторых, ставит в заведомо проигрышное положение страны с самым развитым рабочим и социалистическим

⁶ Резолюции Штутгартского съезда // *Пролетарий*. Орган Московского, Петербургского, Московского окружного, Пермского и Курского комитетов РСДРП. 1907. 20 октября. С. 5.

движением. Например, говорил Плеханов, если возникнет война между самодержавно-репрессивным российским государством и более развитой в социальном и политическом отношении, более свободной европейской страной, то, объявив антивоенную забастовку, рабочие этой страны объективно помогут победе царизма, в тылу которого нет столь же влиятельных и организованных социалистических сил. В результате, по словам Плеханова, «вместо торжества социализма мы увидим торжество казацкой нагайки. Вот почему голландское предложение является не просто утопией, а *реакционной* утопией, осуществление которой было бы очень вредно для дела свободы»⁷.

Таким образом, определяя тактику в отношении войн, социалисты должны были учитывать характер конфликтов, сущность противоборствующих режимов и последствия того или иного возможного исхода войны для движения трудящихся. Обобщая их подходы к оценке военных конфликтов и варианты тактики в условиях войн, можно выделить три политические позиции, которые имели место в истории российского социалистического движения, а также социалистических движений других стран. Их можно с известной долей условности обозначить как:

- оборонческую;
 - пораженческую (в отношении собственного государства);
 - позицию «третьей силы», в равной степени враждебной и «своему» государству, и его противникам.
- Выбор между этими типами политической тактики в условиях войн был далеко не всегда прост.

⁷ Плеханов Г. В. Сочинения. Т. IV. М.–Пг., 1923. С. 162.

Со времени появления в России первых социалистов в середине XIX в. они определяли свою политику в отношении российских войн, исходя из оценки царской империи как главного оплота европейской реакции, «жандарма Европы», нацеленного не только на внешнюю экспансию как таковую, но, как показали события 1848–1849 гг., и на экспорт контрреволюции. Первоочередной задачей являлось, соответственно, ослабление и дезорганизация этого режима с целью его революционного свержения. Поэтому, когда в 1853 г. началась Крымская война, Александр Герцен и его товарищи-эмигранты в Лондоне сразу же заявили, что победа царизма в этой войне стала бы бедствием и для России, и для Европы. «Из железа победоносных мечей куются самые крепкие цепи» для народа, писал Герцен⁸.

Весной 1854 г. в герценовской Вольной русской типографии в Лондоне была напечатана прокламация в форме обращения Емельяна Пугачева к русскому народу — в первую очередь, к крестьянам — в связи с войной. Ее автором был Владимир Энгельсон, бывший член кружка петрашевцев. В прокламации говорилось, что настоящий враг российских трудящихся в начавшейся войне — не иноземцы, а царский режим, против которого нужно повернуть оружие. Более того, война создаст благоприятную возможность, чтобы положить конец самовластию. Рекруты, собираясь на призывных пунктах, должны получать оружие, но не ехать на фронт, а создавать повстанческие отряды, захватывать военные и продовольственные склады, а затем идти на Петербург и Москву, чтобы «отрешить царя». И не нужно бояться, что восстание в условиях войны «ослабит

⁸ Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. XII. М., 1957. С. 308.

державную мощь» России, как пишут правительственные пропагандисты. Военная мощь царизма не нужна простолюдинам, она нужна лишь правящим верхам, которые превратили Русь «в палача для одних народов и пугало для других». Не должны страшить народ и перспективы отделения от Российского государства поработанных им народностей: «А если Польша отделится, если Финляндия отложится, так что за беда? Разве эти земли — русские, разве они твои, народец мой бедный?» — спрашивал автор прокламации. К иностранным войскам прокламация призывала относиться как к союзникам русского народа в борьбе с царским режимом, не ожидая, однако, что они преподнесут России свободу как «готовое блюдо»: освобождения можно добиться лишь самостоятельно посредством революционного восстания⁹.

Здесь перед нами здесь классический пример тактики *революционного пораженчества*. Она исходила из определения того, какая сторона военного конфликта является более реакционной, а какая — более прогрессивной. Поражение феодально-самодержавной России в войне с буржуазными и более развитыми в социально-политическом отношении Англией и Францией считалось предпочтительным. Тот факт, что вместе с Англией и Францией России противостояла реакционная Османская империя, не мог повлиять на общую пораженческую линию, так как Турция к тому времени переживала глубочайший внутренний кризис, фактически находилась в состоянии распада и не была, в отличие от России, склонна к активной внешней экспансии. Главным и наиболее опасным врагом россий-

⁹ Энгельсон В. А. Статьи, прокламации, письма. М., 1934. С. 117–121.

ских социалистов и международного социалистического движения определенно являлся российский царизм. Точно так же смотрели на Крымскую войну К. Маркс и Ф. Энгельс.

Аналогичную пораженческую позицию занимали русские революционеры-социалисты (А. Герцен, Н. Огарев, члены «Земли и воли») и в отношении войны царизма с польскими повстанцами в 1863 г. Тем самым, как писал Герцен, они спасли «честь имени русского», показав всему миру, что самодержавный режим не тождественен российскому народу¹⁰. Отметая обвинения со стороны провластных «холопов слова» в антипатриотизме и переходе на сторону врагов России, Герцен призывал не смешивать отечество с государством. Интересы российского народа совпадают с интересами поляков, сражающихся против царской империи: «Мы с Польшей, потому что мы за Россию. Мы со стороны поляков, потому что мы русские. Мы хотим независимости Польше, потому что мы хотим свободы России. <...> Да, мы против империи, потому что мы за народ!»¹¹

Вновь вопрос об отношении к войне встал перед российскими социалистами уже в новом, XX столетии — в связи с Русско-японской войной 1904–1905 гг. Обе социалистические партии — социал-демократы и социалисты-революционеры — сразу же категорически осудили вступление России в вооруженный конфликт с Японией, который царизм специально провоцировал, рассчитывая не только расширить свои имперские владения на Дальнем Востоке, но и на то, что «маленькая победоносная война» поможет предотвратить назревавшую в России революцию. Обе партии призва-

¹⁰ Герцен А. И. Указ. соч. Т. XXVII. Ч. 2. М., 1963. С. 454.

¹¹ Там же. Т. XVII. М., 1959. С. 91.

ли российских рабочих бороться против войны, в том числе с помощью стачек. Однако к этому времени российская социал-демократия уже была расколота на две фракции — большевиков и меньшевиков, — и их позиции в отношении войны не были вполне идентичными. Большевики во главе с В. И. Лениным заняли пораженческую позицию: в своих статьях Ленин приветствовал победу Японии как более прогрессивной стороны конфликта. «Прогрессивная, передовая Азия нанесла непоправимый удар отсталой и реакционной Европе», — писал он в 1905 г. в статье «Падение Порт-Артура». Японское государство, по его словам, выполнило «революционную задачу», разгромив царское самодержавие¹².

Иную позицию заняли социал-демократы меньшевики, чьим печатным органом являлась в то время газета «Искра». С их точки зрения, Русско-японская война являлась столкновением двух агрессивных имперских государств. Хотя японский капитализм был более передовым, чем российский, обе империи подавляли и угнетали трудящихся, душили свободу в своих странах, обе стремились закабалить Китай и Корею. Следовательно, в их конфликте нельзя было желать победы ни одной из сторон. Азиатский империализм японского микадо был, по мнению меньшевиков, ничем не лучше европейского империализма русского царя. «Презрение и ненависть к бандитам всевластной бюрократии в России не обязывают к восторгам перед пиратами капиталистической эксплуатации в Японии, — писал Ю. О. Мартов. — Возмущение против российских бюрократических “просветителей” Манчжурии не имеет

¹² Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 9. М., 1967. С. 151–159.

ничего общего с апологией буржуазных японских “просветителей” Кореи. Не воспламеняясь желанием победы абсолютистской России, мы менее всего жаждем победы буржуазной Японии»¹³. Таким образом, позиция меньшевиков представляла собой во время Русско-японской войны тактику «третьей силы» — в равной мере направленную против всех сторон межимпериалистического конфликта.

Если меньшевики, обосновывая свою позицию по отношению к войне, подчеркивали, что являются социалистами-интернационалистами, для которых важен союз с социалистами Японии, то Ленин исходил из приоритетов интересов именно российского революционного движения. Им в наибольшей степени отвечало военное поражение царизма, хотя победа Японской империи противоречила устремлениям Японской социалистической партии во главе с Сэном Катаямой, которая вела антивоенную кампанию против своего правительства. В ленинском противопоставлении «передовой Азии» «реакционной Европе» можно также увидеть раннее проявление ориентации на поддержку любых режимов и движений в странах Востока, если они направлены против доминирования капиталистического Запада. Эта линия окончательно оформилась и была взята на вооружение большевиками уже после их прихода к власти в России.

Во время Крымской и Русско-японской войн оборончество в российском социалистическом движении полностью отсутствовало. Оно возникло только в период Первой мировой войны, начавшейся в 1914 г. Эта война расколола российских социалистов на два основных

¹³ *Мартов Л.* На очереди // За два года. Сборник статей из «Искры». СПб., 1906. С.

лагеря: антивоенных интернационалистов и оборонцев — сторонников Антанты. В числе последних оказался ряд видных деятелей социал-демократии, включая Плеханова. В 1893 г. на Цюрихском конгрессе Интернационала Плеханов говорил, что «если бы немецкая армия перешла наши границы, она пришла бы как освободительница»¹⁴, но спустя 11 лет его позиция стала противоположной: теперь он призывал к защите России и Европы от германского порабощения¹⁵. Оборонческое крыло образовалось и среди социалистов-революционеров, его представители (Н. Д. Авксентьев и др.) вместе с Плехановым и бывшим левым большевиком Г. А. Алексинским вошли в редакцию еженедельной газеты «Призыв» — основанного в 1915 г. в Париже объединенного органа эсдеков и эсеров оборонческого направления. У анархистов оборонческие позиции заняли такие ветераны движения, как П. А. Кропоткин и В. А. Черкезов. Они заявляли, что война против Германии носит справедливый и освободительный характер, а победа Германской империи создала бы угрозу «всей человеческой эволюции»¹⁶.

В обоснование своей позиции оборонцы выдвигали несколько основных аргументов. Во-первых, поскольку войну первыми начали Германия и Австро-Венгрия, то со стороны Антанты она является оборонительной. Во-вторых, республиканская Франция и Англия, союзники России по Антанте — более прогрессивные и свободные государства, чем кайзеровская Германия. В-третьих, если победит Германия, то Россия бу-

¹⁴ Плеханов Г. В. Сочинения. Т. IV. С. 332.

¹⁵ Меньшевики. Документы и материалы. 1903–1917 гг. М., 1996. С. 352–353.

¹⁶ П. А. Кропоткин и его учение. Интернациональный сборник, посвященный десятой годовщине смерти П. А. Кропоткина. Чикаго, 1931. С. 341–343.

дет подчинена ей, что приведет в стране к власти самые реакционные силы, всегда сочувствовавшие Германии — крайне правых черносотенцев; если же победит Антанта, то для России откроются перспективы прогрессивных внутренних преобразований. Совместный манифест, выпущенный эсдеками и эсерами оборонцами в 1915 г., рисовал мрачные картины последствий возможного военного поражения России: разрушение экономики, обнищание народа, потеря «западных окраин», депортация русских с оккупированных территорий, подавление рабочего движения немецким «бронированным кулаком». Подобно Герцену, авторы манифеста, писали о неприемлемости «смешивать отечество с начальством», но вкладывали в эти слова совсем другой смысл. Если Герцен подчеркивал, что войны, которые ведет авторитарная власть, противоречат интересам народа, то оборонцы, напротив, доказывали, что война ведется именно в интересах народа, а не самодержавного режима: «Россия принадлежит не царю, а трудовому российскому народу. Защищая ее, он защищает самого себя, защищает дело своего освобождения»¹⁷.

Принципиально иную, антивоенную позицию заняли социалисты-интернационалисты в РСДРП, ПСР и анархистском движении. Они рассматривали мировую войну как порождение соперничества «великих держав», которые в равной степени отстаивают в ней свои империалистические интересы. Англия и Франция, хотя и более либеральны, чем Германия, защищают собственные колониальные владения. Цели Российской

¹⁷ К сознательному трудящемуся населению России (Манифест социал-демократов и социалистов-революционеров) // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1925 гг. В 3-х т. Т. 2. Июнь 1907 г.–февраль 1917 г. М., 2001. С. 495–502.

империи в войне не оборонительные, а завоевательные: она стремится захватить черноморские проливы, Константинополь, Западную Армению, часть Курдистана, Галицию, Восточную Пруссию. А политический режим в России, «тюрьме народов», более деспотичен и реакционен, чем в Германии и Австро-Венгрии. В манифесте, принятом в 1915 г. на конференции социалистов-интернационалистов из 12 стран в Циммервальде, говорилось: «Капиталисты всех стран, которые из пролитой народной крови чеканят червонное золото барыша, утверждают, что война служит защите отечества, демократии, освобождению угнетенных народов. Они лгут. На самом деле они погребают на полях опустошений свободу собственного народа вместе с независимостью других наций». Поэтому во всех воюющих странах одинаково необходимо бороться против войны, против того, чтобы рабочие и крестьяне разных стран на фронтах истребляли друг друга во имя имперских амбиций властей и военных прибылей господствующих классов. От России Циммервальдский манифест подписали официальные представители Центрального комитета РСДРП (большевики), Организационного комитета РСДРП (меньшевики) и Центрального комитета ПСР¹⁸.

Большинство российских анархистов также выступило против войны и оборонцев в собственных рядах. Их точка зрения нашла отражение, в частности, в заявлении группы анархистов-коммунистов «Рабочий мир», которое гласило, что выступать «за продолже-

¹⁸ Циммервальдская и Кинтальская конференции. Официальные документы. Л., 1924. С. 26–31.

ние империалистской войны мы считаем для всякого социалиста позором»¹⁹.

Таким образом, все основные объединения российских социалистов, отвергнув оборонческую линию, заняли антивоенную, интернационалистскую позицию, что соответствовало тактике «третьей силы», в равной степени враждебной всем воюющим между собой режимам.

При этом, правда, Ленин и большевики выдвигали лозунг «За поражение своего правительства!» Но, как показал в своем подробном исследовании американский историк Хэл Дрейпер, позицию Ленина в годы Первой мировой войны, в отличие от его тактики периода Русско-японской войны, нельзя считать по-настоящему пораженческой. Только в первых большевистских заявлениях после начала войны в 1914 г. говорилось о поражении царизма и победе Германии как «меньшем зле». Но уже с начала 1915 г. Ленин подчеркивал, что выступает в равной степени за поражение всех вовлеченных в войну государств, в том числе Германии. То есть большевики тоже фактически приняли на вооружение тактику «третьей силы», хоть и облекали ее в «пораженческие» формулировки²⁰.

Победа Февральской революции 1917 г. в значительной степени изменила характер войны со стороны России, что привело многих меньшевиков, эсеров-интернационалистов и даже часть большевиков к переходу на позиции «революционного оборончества». Борьба за прекращение начатой царским режи-

¹⁹ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. Т. 1. 1883–1916 гг. М., 1998. С. 612–613.

²⁰ *Draper H.* War and Revolution – Lenin and the Myth of Revolutionary Defeatism. New Jersey, 1996.

мом войны должна была теперь сочетаться с защитой завоеваний демократической революции. Так, в марте 1917 г. большевистская газета «Правда», редактируемая Л. Б. Каменевым, писала в передовой статье: «Не дезорганизация революционной и революционирующейся армии и не бессодержательное “долой войну” — наш лозунг. Наш лозунг: давление на Временное правительство с целью заставить его открыто, перед всей мировой демократией, немедленно выступить с попыткой склонить все воюющие страны к немедленному открытию переговоров о способах прекращения мировой войны»²¹.

Однако российской революционной демократии, несмотря на вхождение ее представителей в состав Временного правительства, не хватило ни сил, ни политической воли, чтобы настоять на реализации своей программы всеобщего демократического мира. Одной из важнейших причин этого были уступки, которые эсеры и меньшевики систематически делали своему партнеру по правительственной коалиции — буржуазно-либеральной партии кадетов, не желавшей полностью отказываться от стремления к доведению войны «до победного конца в единении с союзниками по Антанте». В результате выход России из Первой мировой войны произошел уже после захвата власти большевиками и принял форму заключенного в 1918 г. сепаратного Брестского мира с аннексиями, контрибуциями и фактическим отрицанием самоопределения наций — т.е. нарушением всех тех принципов, которые были провозглашены на конференции в Циммервальде.

²¹ Без тайной дипломатии // *Правда*. 1917. 15 марта.

В дальнейшем небольшевистским социалистам, продолжавшим свою деятельность в эмиграции, пришлось определять свое отношение уже к войнам с участием сталинского СССР. По вопросу о Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. никаких сомнений у них не возникало. 30 ноября 1939 г. Заграничная делегация РСДРП (организация меньшевиков в эмиграции) приняла заявление «В защиту Финляндии». В нем нападение СССР на Финляндию характеризуется как акт агрессии сталинской диктатуры, проводящей под лживыми предложениями «политику территориальных захватов и военных оккупаций». Социал-демократы призывали «рабочий класс и Советского Союза, и всего мира встать единодушно на защиту Финляндии от грубого насилия» и «сделать все, чтобы обречь его [сталинского режима — А.Г.] захватническую и насильническую политику на неудачу и поражение»²². Таким образом, по отношению к сталинскому государству использовалась определенно пораженческая тактика.

Иначе обстояло дело после начала 22 июня 1941 г. войны между нацистской Германией и Советским Союзом. Уже 23 июня ЗД РСДРП выступила с заявлением о том, что в этой ситуации главной задачей является разгром фашизма — «злейшего и опаснейшего врага человеческой цивилизации». В заявлении отмечалось, что необходимость защиты СССР от гитлеровского нападения не означает примирения с диктаторским режимом, но задачи борьбы против «сталинской деспотии» должны быть подчинены задачам уничтожения «мирового фашизма»²³. Такую же оборонческую по-

²² *Социалистический вестник*. Центральный орган РСДРП. 1939. 2 декабря.

²³ Меньшевики в эмиграции. Протоколы Заграничной Делегации РСДРП. 1922–1951 гг. Ч. 2. М., 2010. С. 81–82.

зицию заняла и эсеровская эмиграция, и российские анархисты, издававшие в США журнал «Дело труда — Пробуждение».

В основе оборонческой позиции лежало убеждение социалистов в том, что победу нацизма нельзя допустить, так как она несет народам СССР не только новые формы социального и экономического угнетения, но и расово-национальный гнет, угрожая самому их физическому выживанию. В то же время вступление в войну против гитлеризма объективно превращало Советский Союз, по выражению меньшевиков, в «участника мирового фронта демократий». Борьба с нацистскими армиями в России помогала народам Западной Европы противостоять повсеместному утверждению тоталитаризма. «Порабощение последних Гитлером означает безысходное рабство для русских. Их освобождение, в результате поражения Гитлера, если и не означает немедленного освобождения русских рабочих и крестьян от большевистского государственного крепостничества, то, во всяком случае, делает его возможным в непродолжительном будущем. Имея это в виду, мы желаем, чтобы русский народ напряг все силы и раздавил нацистскую гадину», — писали анархисты в статье «Революционное оборончество»²⁴.

Таким образом, проведенный обзор позиций российских социалистов в отношении войн позволяет сделать вывод о том, что выбор ими в разных условиях того или иного варианта тактики зависел от учета трех основных факторов:

²⁴ *Дело труда — Пробуждение*. Орган Объединенной федерации русских рабочих организаций Соединенных Штатов и Канады. 1941. № 4.

- характер государств, участвующих в войне;
- оценка целей войны со стороны ее участников;
- определение возможных последствий победы той или иной стороны военного конфликта с точки зрения интересов трудящихся и гражданского общества.

Поскольку Российское государство в большинстве рассмотренных выше случаев носило диктаторски-репрессивный характер и в своих войнах преследовало завоевательные, империалистические цели, то чаще всего российские социалисты выступали за его поражение в военных конфликтах. Оно должно было ослабить, дестабилизировать авторитарный режим и, тем самым, облегчить борьбу трудящихся и общества в целом за свободу и самоуправление. Их подход мог быть выражен словами Августа Бебеля: «если речь идет о народе, который лишен условий свободной жизни, то военное поражение не мешает, а, наоборот, способствует его внутреннему развитию»²⁵.

Если же противником Российского государства в военном конфликте оказывался столь же диктаторский и империалистически-экспансионистский режим, то социалисты в большинстве своем брали на вооружение тактику «третьей силы», в равной степени направленную против всех сторон конфликта.

И лишь в тех случаях, когда, как, например, после Февральской революции 1917 года, Россия оказывалась более прогрессивной и обороняющейся стороной конфликта, или же ее противник, как нацистская Германия во Второй мировой войне, нес еще более страшную угрозу миру — только в этих случаях социалисты,

²⁵ *Бebelъ А.* Из моей жизни. М., 1963. С. 118.

верные своим принципам, считали допустимым принятие оборонческой тактики. Однако даже в таких ситуациях оборончество являлось не абсолютным, а ограниченным рядом условий — сохранением оппозиции правящим классам и самостоятельной политической линии.